

СОВЕТСКАЯ
ЭСТОНИЯ

В МИРЕ

ПУБЛИКИ
ДОЛЖНО ХВАТИТЬ
НА ВСЕХ

Сколько у нас в республике театров, играющих на русском языке?

Один (Государственный русский драматический театр, 40-летие которого мы отметим в декабре)? Два (ГРДТ+театр «У виадук», которому немногим больше года)? Больше двух?

Странный вопрос. Не станем же мы стричь под одну гребенку профессиональные и любительские коллективы?

Не станем. Народные театры — особая статья. Это — любительские коллективы, имеющие совершенно особый статус и способ существования. Между ними и профессионалами пролегает четкая граница, и народный театр, за редкими исключениями, не помышляет перешагнуть эту границу, не стремится из теплого бассейна под названием «самодельное творчество» броситься в бурное море коммерции. Финансовых планов и борьбы за посещаемость.

Сколько бы ни было народных театров, они никак не влияют на существование профессиональных.

Но в просвете между этими двумя категориями может уместиться практически неограниченное количество профессиональных, полупрофессиональных или на четверть профессиональных маленьких трупп, которые кормят себя сами (хотя бы частично), поэтому вынуждены быть мобильными. Они могут спонтанно возникнуть и спонтанно распаться, в зависимости от того, есть ли в них потребность.

А есть ли потребность — зависит от времени.

Сейчас, вроде бы, время такое, что потребность есть. Может быть, не потребность именно в театре, а потребность высказаться — любым способом — и услышать в ответ нечто созвучное твоим не высказанным еще мыслям. Во всяком случае, время безгласности уходит в прошлое.

Но это — потребность, так сказать, абстрактная. Взятая применительно к общественной ситуации в целом. А если подойти конкретно?

Сразу же возникает возражение: о каких новых театрах может идти речь, если и на один публики не всегда хватает. Возникнет конкуренция, театры и театрики начнут перебивать друг у друга публику и т. д.

Вроде бы резонно.

Но вот заметьте: в Раквере есть свой театр, а в куда более крупных городах Кохтла-Ярве и Нарве — нет.

Если уж совсем быть точным — не было. В Нарве, правда, до сих пор профессионального или хотя бы полупрофессионального коллектива нет, но есть труппа, способная стать базой такого коллектива. В Кохтла-Ярве, суля по довольно давним сообщениям в печати, открылся театр-студия, но к своему стыду, должен признаться, что я об этом театре ничего не знаю. И коллеги, с которыми я говорил на эту тему, тоже ничего не знают. Может, это мы так ленивы и нелюбопытны, может, театр пока не заинтересован в том, чтобы привлекать широкое внимание, бог знает!

Конечно, этот факт можно интерпретировать по-разному. Можно утверждать, что в Раквере публика нуждается в театре, а у нарвийцев и кохтлаярвесцев такой нужды нет.

Ну, а откуда взяться потребности, если ее заведомо невозможно будет удовлетворить? Какой-то заколдованный круг получается.

Не знаю, как насчет Кохтла-Ярве, а в Нарве первые попытки создать профессиональный театр были предприняты лет десять назад. Тогда это, естественно, было безнадежным делом.

Однако сейчас в этом небольшом городе существуют два народных театра и один коллектив, уже много лет действующий, получить это знание, а если учесть, что у одного из двух народных театров под одной крышей с одним художественным руководством работают две труппы — русская и эстонская — то получится, что на один город приходится целых четыре коллектива. Плюс еще один народный театр под боком — в Силламяэ.

Если же вспомнить, что городская газета по случаю

премьеры любого из этих коллективов уделяет событию достаточно видное место на своих полосах, получается, что любительские театры играют в жизни города заметную роль. Такую, какую играет профессиональный театр в том городе, в котором он имеется.

Каждый из этих коллективов занимает свое место и имеет своего зрителя. Конкуренция, разумеется, существует, но это именно конкуренция, состязание, а не борьба за существование. До театрального социал-дарвинизма мы пока что, слава богу, не дожили.

Хотя одно время казалось, что в состязании между театром ДК им. 50-летия Октября (главный режиссер Олег Крейсон) и театром ДК им. В. Герасимова (главный режиссер Юрий Михалев) назревает такая острейшая конкуренция. И театр Крейсона явно берет верх.

Объяснялось это тем, что театр Крейсона раньше нашел свою линию, свою тему (это отразилось и в названии: «Народный театр сатиры», и в полборе репертуара: «Смерть Тагелкина» Сухова-Кобылина, «Геркулес и Авгиевы конюшни» Дюрренматта), а театр Михалева еще только искал, видел себя театром преимущественно для молодежи, ставил спектакли о «трудных» подростках («Взломщик» Н. Павловой), рок-оперу («Курс — Мерекюла»)... Может, в поисках какой-то своей «экологической ниши», а может, руководствуясь просветительской интуицией, Михалев начал делать очень благородное дело: стал работать с эстонской труппой ДК им. Герасимова, уже совсем было зачехлившей, давая немногочисленному эстонскому населению Нарвы эстонскую классику на родном языке. Он инсценировал и поставил сначала «Муху» А. Х. Таммсааре, затем «Болото» О. Лутса; последний спектакль получил приз за лучшую режиссуру (фактически главный приз) в мае этого года на VIII фестивале народных театров Прибалтики и Белоруссии «Рампа дружбы» в городе Гродно.

К слову сказать, в одном из выпусков документального кинообозрения Пестера Тооминга «Наше достояние» речь шла о Нарве, о том, как катастрофически сужается там сфера применения эстонского языка. Все было абсолютно правильно, но как-то жаль, что просветительская деятельность Михалева осталась за кадром. Тем более, что одним из героев этого выпуска был молодой учитель эстонской школы, как раз игравший у него в театре.

Но это к слову. Тут еще нужно сказать, что театр Крейсона в прошедшем сезоне сделал шаг к тому, чтобы стать театром-студией, начал играть в крепости Германа — уже не как народный театр, а как независимый полупрофессиональный коллектив, так что, может, когда-нибудь обстоятельства сложатся так, что Нарва все-таки обретет свой театр.

Обострит ли это конкуренцию? Труднее ли после этого будет гастролировать в Нарве ГРДТ и театру «У виадук»?

Если обострит — то столетний гастролером от этого будет только польза.

Когда рядом работает несколько театров, то они не отбивают зрителя друг у друга, а, напротив, расширяют зрительский круг, то есть фактически помогают друг другу. Разумеется, если эти театры — разные!

Появление театра «У виадук» не должно было снизить посещаемость Русского драматического театра уже потому, что у каждого из театров своя специфика. Традиционный репертуарный театр — и небольшой, камерный, даже интимный, театр-салон, для публики которого посещение театра — это не только просмотр спектакля, но и некая форма общения.

И в этом же сезоне в Таллине, при Центре молодежной инициативы, возникли еще два маленьких театра-студии: «Школа шутов» (художественный руководитель Владимир Барсегян), а затем и НТО («Новое театральное образование», художественный руководитель Валерий Сторчак). У первого

театра в репертуаре четыре спектакля, у второго пока только один, но зато при нем начала работать самокупаемая театральная школа.

Театры тоже очень разные. Первый работает в традициях балагана, площадного театра, второй — по крайней мере так вытекает из постановки пьесы Л. Петрушевской «Анданте» — тяготеет к углубленному психологизму, но психологизму особого рода, подчеркивающему алогичность, абсурдность нашего быта.

Нынешнее лето подтвердило, что конкуренция (если только это можно назвать конкуренцией) полезна обеим сторонам.

Оба театра продавали билеты на свои спектакли на Ратушной площади. Рядом. Оба зазывали прохожих: «Школа шутов» — громко, настойчиво, с помощью не то дудки, не то свирели; НТО — потише, с некоторой интеллигентской застенчивостью.

Очень часто случалось, что после этого одних и тех же зрителей можно было увидеть (разумеется, в разное время) и в Доминиканском монастыре, где «Школа шутов» играла старинные французские фарсы, и в малом зале Молодежного театра, где НТО играло «Анданте».

«Школа шутов» заполнила еще один пробел на театральной карте: она играет спектакли для младших школьников по абонеентам, исполняет функции ТЮЗа.

Итак, четыре театра совершенно разной структуры и разные по своим художественным задачам. Что изменилось от того, что в одном лишь Таллине прибавилось три коллектива, играющих на русском языке, мы узнаем, конечно, не сегодня и, возможно, даже не завтра. Если...

Если все новые театры получат возможность без помех развиваться и далее. То есть если им будет не только для кого играть (с этим пока проблем не возникает), но и где играть.

Театр «У виадук», вначале вроде бы уютно чувствовал себя в клубе фанерно-мебельного комбината, уже весной стал испытывать нехватку помещений: интересы театра вступили в противоречие с интересами предприятия, которому, конечно, тоже нужен зал. В результате театр понемногу превращается в гастрольный: Рига, Минск, Днепрпетровск, Калининград, Сухуми, Белгород, Астрахань — это маршруты одного лишь первого сезона. Вне Таллины театр сыграл больше спектаклей, чем в Таллине. И долгожданная премьера «Мастера и Маргариты» состоялась тоже на гастролях, в Астрахани.

Думаю, мы не так богаты театрами, чтобы ставить их в положение, вынуждающее по полсезона проводить вдали от дома.

Небольшие, мобильные труппы могут сыграть в общественной жизни очень важную роль. В частности, им как-то больше к лицу ставить пьесы сверхактуального содержания, пьесы, которые в момент их появления кажутся совершенно необходимыми зрителю, но через год-другой безнадежно устаревают, ибо общественная ситуация меняется стремительно. Скажем, «Железный занавес» В. Котенко, гротескную пьесу, в которой показано, как начальство среднего масштаба борется с перестройкой в пределах своей вотчины, совершенно необходимо было поставить год назад, на худой конец, полгода назад, когда на страницах «Советской России» юродствовала Нина Андреева, но через год спектакль по этой пьесе может оказаться уже ненужным. Большому репертуарному театру делать это не с руки, а маленькому — самый раз.

А насчет публики беспокоиться не стоит. Публики хватит на всех. Если, конечно, помнить о ее интересах.

В. ТУХ.